

## «БЕДА И ПОБЕДА» В ВОСПОМИНАНИЯХ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

**МАРИНА ЮРЬЕВНА НОВИЦКАЯ**

(Федеральный институт развития образования Министерства образования РФ:  
Российская Федерация, 125319, г. Москва, ул. Черняховского, д. 9, стр. 1)

***Аннотация.** Данная публикация воспроизводит воспоминания о детских годах, прошедших в жизни информантов на период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Такого рода воспоминания относятся к устным автобиографическим повествованиям о войне и являются одним из пластов современной несказочной прозы, который в настоящее время привлекает профессиональное внимание специалистов разного профиля. Детские воспоминания о переломных и драматических этапах в жизни общества могут стать источником для исследований историков, фольклористов, этнографов, социальных психологов и др.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война 1941–1945 гг., устные автобиографические повествования, личная память, семейная память, народная историческая память.*

**В**ажнейшее историческое событие XX в. — Великая Отечественная война оставила глубокий след в памяти всех, для кого она явилась центральным фактом их личной судьбы. Устные автобиографические повествования о войне — один из интереснейших пластов современной несказочной прозы, который привлек профессиональное внимание многих фольклористов [Гусев 1964; Разумова 2001; Мужская культура 2003; Фольклор 2005]. Изучение этого пласта позволяет определить специфику устных форм мемуаристики, исследовать виды автобиографических воспоминаний, выявить типичное в индивидуально своеобразных текстах, установить разную степень их связи с традиционной культурой и т.п. То есть решить ряд собственно фольклористических задач [Дианова 2010].

Свое место среди устных рассказов о войне занимают воспоминания очевидцев, которые перенесли ее тяготы

в детском возрасте. В основе данной публикации лежит работа над записями, которые были сделаны автором в 2005 г. в Москве от Ларисы Алексеевны Власовой, урожденной Смирновой (1937–2007), из Москвы, Юлии Александровны Артамоновой, урожденной Ролик, 1934 г. р., из Новосибирска, Владислава Моисеевича Артамонова (1930–2013), из Ульяновска и Надежды Александровны Панковой, урожденной Ролик, 1938 г. р., из Воронежа.

Воспоминания даются в сокращенном виде. В первую очередь отобраны сюжеты, которые отражают ситуации, типичные для жизни всей страны в военное время. За кадром остались темы, несущие ярко индивидуализированные подробности семейной истории либо варианты типичных сюжетов. Не вошли в публикацию тексты, записанные от Н. А. Панковой, но они были учтены при работе с материалом. Записи сокращенных фрагментов хранятся в личном архиве собирателя.

Все рассказчики русские. Начало войны застало детей в разном возрасте, им было от 11 до 4 лет. Вспоминают они о военном детстве, будучи уже взрослыми людьми. Это накладывает свой отпечаток на осмысление событий, проявляется в стремлении выстроить событийный ряд в хронологической последовательности, отражается в стилистических особенностях речи, присущих сложившейся личности в соответствии с ее гендерной и профессиональной идентичностью. Так, для воспоминаний В. М. Артамонова, родившегося и выросшего в семье профессионального военного, а затем, по семейной традиции, тоже ставшего военным врачом, характерны лаконичность, значительное количество канцеляризмов, стремление к точности указания географических объектов. Воспоминания двух родных сестер, Ю. А. Артамоновой и Н. А. Панковой, отличает большая эмоциональность, внимание к бытовым подробностям, способность подметить тонкие детали во взаимоотношениях людей. В еще большей степени данные черты присущи воспоминаниям Л. А. Власовой, родившейся в семье рабочего и ставшей впоследствии переводчиком-синхронистом с немецкого языка.

Общность истории и культуры страны, к которой каждый из них принадлежит по факту рождения и социально-культурному опыту, единая жизненная основа воспоминаний о повседневных испытаниях, лишениях военного времени и способах их преодоления определяют типичность многих сюжетных ситуаций, повторяющихся в рассказах этих авторов. Городские дети, они родились в 1930-х гг., пережили бомбардировки, были вынуждены вместе с родителями отправиться в эвакуацию. Мальчик с матерью и новорожденной сестрой — из Сочи в Армению; девочки — в поволжские города Горький и Куйбышев, куда были эвакуированы из Москвы и Воронежа авиационные заводы, где сутками работали их отцы. Дети испытали голод и холод, ежедневно вместе со взрослыми боролись за жизнь в условиях крайней ограниченности в самом необходимом: еде, теплой одежде, средствах гигиены. Композиционно воспоминания выстраиваются как путь от беды в тылу — к выстраданной Победе. Общими темами становятся пережитые бомбежки, спешные

сборы к отъезду, долгая дорога на восток с пережиданием идущих навстречу, на запад, бесконечных воинских эшелонов; трудное обустройство на новом месте, отоваривание продуктовых карточек, поиски дополнительных средств пропитания, таких, как обмен вещей, самодельного мыла и сахара, сваренного из солода, на продукты в окрестных селах; труд на огородах; изматывающая работа взрослых на нуждах фронта; помощь раненым в госпиталях; ожидание писем от родственников-фронтовиков и сводок Информбюро по радио. Жизненные ситуации, перенесенные вместе с семьей или отдельными ее членами, восприняты детьми, зафиксированы в памяти и воспроизведены их взрослым сознанием с бессознательным или осознанным включением в общую ткань повествования эпизодов из рассказов старших, которые опосредованно, по сопереживанию, стали уже общим семейным наследием, закрепившись в устойчивых сюжетах.

Кроме того, интерес для исследователей традиционной культуры в воспоминаниях Л. А. Власовой представляют описание жизни в глухой костромской деревне Алешово: традиционное устройство крестьянской избы, ритуал повседневного застолья в большой семье, колядование в зимние Святки и молодежные посиделки, банное мытье зимой в русской печи.

Собственно детскими можно считать темы, связанные с потребностью иметь защиту со стороны взрослых, реализовать даже в таких сложных условиях характерное для своего возраста стремление к играм и игрушкам, получить редкие и почти недоступные сладости, а также тему школы. За всем этим стоит рано возникшее в детях войны понимание личной ответственности перед родителями и благодарности им за старание защитить и украсить детскую жизнь всеми доступными средствами. Следует отметить, что в текстах, с одной стороны, выявляется такая существенная черта детского мировосприятия, как четкое, без полутонов разделение добра и зла в поступках людей, а с другой — красной линией проходит воспоминание о постоянно получаемых от родителей и других взрослых уроках взаимной помощи и поддержки друг друга. Откладываясь в личном детском жизненном опыте, эти уроки становятся фундаментом характерной для

традиционной культуры системы моральных оценок, нравственных ценностей, передающихся из поколения в поколение через семью и ее ближайшее окружение. Отразились в детских воспоминаниях и устойчивые фольклорные мотивы чудесного спасения от гибели; красивого сна, который повторяется в течение жизни несколько раз; возвращения к человеку добра за совершенное им доброе дело. Народная идея справедливого возмездия за совершенное зло звучит в городской молве, которая в преддверии Победы передавалась из уст в уста: «Гитлера, закованного в цепи, будут возить в телеге по всем городам».

В силу огромного значения долгожданного конца войны для каждого, кто ее пережил, рассказы всех четырех информантов о дне Победы точно и очень сходным образом воспроизводят атмосферу радости и ликования праздника «со слезами на глазах». Строка, рожденная по этому Владимиром Харитоновым в 1975 г., к 30-летней годовщине Победы над фашизмом, словно вобрала в себя все народные чувства, облекла их в единственно верную формулу и вновь вернулась в народ. Как своя, личная, звучит эта формула и в одном из воспоминаний детей войны, указывая на процесс фольклоризации авторского произведения, совершающийся постепенно на наших глазах.

Приношу глубокую благодарность Н. Е. Котельниковой за неоценимую помощь в расшифровке записей и подготовке их к публикации. Надеемся, что тексты, записанные от когда-то юных свидетелей Беды и Победы, пополнят базу источников для многостороннего изучения драматических страниц народной истории и культуры.

## ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА ВЛАСОВА

### *Начало войны*

Когда началась война, мне не было еще 4 лет, 4 года мне было только 3 июля, война началась 22 июня. Моя детская память мало что запомнила о событиях московских, когда начиналась война. То, что у меня осталось в памяти, — это суматоха, суматоха в доме, суматоха в детском саду. Через несколько дней перестала ходить в детский сад. Мама почему-то не ходила на работу, папа тоже не ходил на работу, а бегал все время в военкомат, но его не брали

на фронт. Мама все время плакала и говорила, что мы должны ехать за моей сестрой, куда-то за город, чтобы забрать ее из лагеря. Папа говорил: успокойся, мама пыталась несколько раз сама уехать, но каждый раз возвращалась ни с чем, потому что все пригородные поезда были переполнены. Вся Москва кинулась за своими детьми на дачи, в детские сады, в пионерские лагеря. Папа сказал, что будут автобусы или машина от завода — тогда приедем. И действительно, через некоторое время сестра моя появилась дома. Помню только, что нас уже по вечерам не выпускали на улицу гулять, по вечерам уже начали раздаваться гулы самолетов, и окна уже были дома заклеены все крест-накрест газетной бумагой. Папа говорил, что война ненадолго, но настаивал, чтобы мы покинули Москву. Мама не хотела, говорила папе, что лучше, чем в Москве, нигде не будет. Что надо ждать, пережить всё в Москве. Папа с ней не соглашался. Исход дела решила очередная бомбежка, когда оторвало угол нашего дома на улице Погодинская, где мы тогда жили, правда, это был не наш угол, а с другой стороны. И тогда папа сказал: «Вот видишь, будешь дальше рисковать — я тогда детей отправлю с интернатом за Урал». На это мама, конечно, согласиться не могла, она сказала, что хорошо, она готова эвакуироваться в деревню. Почему в деревню? Папа занимался, папу не взяли на фронт, потому что он накануне войны перенес операцию на менисках обеих ног. И папа, значит, как райкомовский работник, он был вторым секретарем ... райкома партии, должен был заняться эвакуацией 119-го авиационного Московского завода в Горький. Но нас сразу туда, то есть семью, сразу взять туда не мог: ему нужно было получить разрешение военного коменданта. Город Горький был закрытый город. Поэтому папа сказал, что сначала мы поедem к нему на родину, в деревню Алешово Палкинского (сейчас Антроповского. — М. Н.) района Костромской области.

### *Швейная машина — кормилица*

Хорошо помню, как однажды дома появилась целая куча деревянных палочек, и папа начал из этих палочек плести длинный узкий ящик, куда демонтировал всю машину стационарную «Зингер», швейную, уложил ее туда бережно, перекладывал тряпьем, мама при этом стояла, наблюдала, потому что она наотрез отказалась уезжать без машины, она сказала, что единственное, что нас сможет прокормить, — это швейная машина: мама хорошо шила.

### **Отъезд в Алешово**

Вот как мы ехали на поезде, я ничего не помню, не помню, как мы добирались до деревни, знаю только, что деревня Алешово, глухая костромская деревня, находилась на расстоянии 25 километров от райцентра Палкино. Там же была остановка станции железной дороги Москва — Кострома. Дальше уже помню хорошо весь период жизни в деревне. Приехали мы где-то в конце лета; значит, обычная деревня, два ряда домов, разделенных посередине улицей, ни лошадей, никакой техники уже не было, все было ликвидировано на фронт. В деревне остались одни бабы с детишками да старики. Мы поселились в избе у папиного младшего брата, Федора, который погибнет потом под Сталинградом. Значит, оставалась там его жена тетя Шура и трое ее детишек: Тася, Валя и Костя. Старшей была Тася, младшим был Костя, был старше меня на один год. Вот с Костей-то мы и дружили.

### **Устройство деревенской избы**

Значит, изба эта была устроена таким образом, что когдаходишь — это сени, но это не маленькие сени, они разделены на две части. В одной части стояли ведра и кадуски для воды, а вторая часть была отгорожена, как загон для скота: на зиму туда загоняли корову и кур, это все произойдет при нас, когда наступят холода. Потом дверь вела в избу, где, значит, первое помещение, где находилась огромная печка, у нее были полаты, то есть самый верх, и еще была лежанка. На лежанке спала бабушка, то есть папина мама, а на полатах, на самом верху, стояли мешки с солодом, и там спали я и Костя. И стояла большая длинная лавка, на которой стояли какие-то ковши, ведра, чугуны, горшки и так далее, ухваты, кочережки, а из этого помещения дверь вела в большую комнату, где стояли два сундука, на которых спали дети: Тася и Валя, большая железная кровать с горой подушек и с каким-то таким покрывалом с подзором ручной работы. Вот, в углу был красный угол, стояла икона, она стояла на полочке; полочка была покрыта белой такой салфеткой, тоже с подзором ручной работы, стояли свечи. Посередине стоял огромный длинный стол, ничем не покрытый, его скребли ножом, и вдоль стола с двух сторон — лавки, длинные лавки, одна и другая. Это был стол, на котором кушали. Еще из сеней была тоже дверь в маленькую такую комнату, ну, комнату маленькую, там, значит, стояла одна большая кровать, на которой мы все втроем и спали: мама, я и «валетиком» к нам сестра. Вот, ну, и примыкал к этой избе огород,

сада не было, огород. Вот так примерно выглядела вся деревня. В конце деревни находилась околица. Так они ее называли. Огорожена она была забором из жердей. Эта околица — это как опушка леса; за этой околицей находилось ржаное поле, окруженное со всех сторон лесом.

### **Грибы и кислица**

Ну, когда мы приехали, еще было довольно тепло, поэтому основная наша пища была грибы, поэтому походы за грибами в лес — они были регулярными. Кроме того, капуста было немножко, и тетя Шура сказала, что надо беречь на зиму. Поэтому варили щи из такой травы — кислица, которую по-другому называют заячья капуста. Ее было так много, она просто ковром стелилась в лесу, целыми полями, вот эта кислица, она действительно кисло-сладкая на вкус, мы собирали, помногу, целым мешком. Из этого варили щи в основном с грибами. Потому что мяса было немного тоже, берегли на зиму. Потом мама пошла работать в колхоз, чтобы заработать трудодни. Жатва была очень поздняя, поскольку всех мужчин, всех лошадей, всю технику угнали на фронт, рожь стояла еще несжатая. Жали ее серпом женщины вручную. Ну, моя мама как горожанка нажала себе не столько трудодни, сколько мозолей кровавых на всех руках. Она так чуть-чуть чего-то все-таки заработала.

### **Пропитание машинкой швейной**

Потом мама стала зарабатывать себе на пропитание машинкой швейной. Девочки, которые уже невеститься начинали, они все вытаскивали из сундуков там какие-то отрезки, которые еще в бытность до войны покупали в городе, и приходили к маме заказывали. Шила она им юбки, кофты, сарафаны, кофты моя сестра вышивала крестом. За это платили натурой: кто кринку молока, кто яички принесет, кто мучки немножко принесет, кто хлеба (если топили печку, хлеб пекли), кто картошки даст. Вот так мы и, собственно, жили.

### **Повседневное застолье**

Жили мы дружно. Тетя Шура — замечательная женщина, жена младшего брата папы, Федора. Очень хорошая, очень добрая женщина. Она нас очень жалела, не разделяла нас от своих детей. Кушали мы все вместе за одним столом. Кушали так: варилась в основном похлебка в огромном-огромном чугуне, чугун этот выхватывали огромным-огромным ухватом и ставили его на стол посередине. Все, а нас получалось восемь человек, потому что тетя Шура, бабушка, то есть

папина мама, дети — пять и нас трое. Мы сиделись восемь человек на две лавки вдоль стола и ели деревянными ложками из этого чугуна. Я была очень маленькая, у меня над столом возвышалось фактически полголовы до носа, дотянуться до этого чугуна я, конечно, не могла. Поэтому мама попросила разрешения наливать мне в отдельную плошку. Тетя Шура выделила мне глиняную плошку, в которую мне наливали эту похлебку, и я ее ела. Мясо же... Похлебку варили с мясом, и мясо, варился целый кусок, прел он там в печке, потом его вытаскивали на доску, разрезали на небольшие куски и обратно складывали в этот чугунок с похлебкой. Когда суп уже все съедали, тогда... старшей была бабушка за столом, она ударяла большой деревянной ложкой по краю чугуна, это был сигнал к тому, что можно начинать таскать из чугуна мясо. И все начинали черпать кусочки мяса и есть.

### *Мешки с солодом*

Спали мы таким образом, что на полотах я и Костя спали, на лежанке бабушка спала. Там стояли мешки с солодом. Костя проковырял пальцем дырку, каждый раз мне, как (проделал) завертит там дырку, звал меня: «Ладк!» Он «р» не выговаривал. «Иди, будем солод ковырять». Я лезу к нему на полотах, и там мы ели этот солод. Я никогда его не ела раньше, и это было так вкусно, он был такой сладкий, и такой сытный, и с удовольствием его ели, пока взрослые не поняли, что мы там делаем. И тетя Шура убрала мешки с солодом от нас подальше, куда-то спрятала в чулан. Такая жизнь была полуголодная, но дружная, какая-то такая хорошая, доброжелательная.

### *Детские игры и колядки*

На деревенской улице собиралась огромная ватага ребят. Играли и в прятки, и в лапту играли. Но самые интересные были впечатления — это на Новый год, Рождество. Колядки!

Колядовала вся деревня, дети. Специально мама сшила из брезента мне сумку с большой широкой лямкой через плечо.

<Соб.: Шла война, а все равно колядовали?> — Война где-то, тем более это такая глухая деревня. Вечером вот пошли колядовать по деревне. Стучали в каждый дом.

<Соб.: Ребятишки пошли?> — Только ребятишки, вся ребятня, от мала до велика. Ну, сколько там было самым старшим — лет по шестнадцать, по семнадцать, все отправились колядовать.

<Соб.: Одной группой большой или разные группы?> — Нет, одной большой группой, вся

ребятня. Все пошли колядовать, и в каждом доме нас одаривали чем-нибудь. Это были плюшки какие-то в виде там жаворонков или какие-то крендели, какие-то там пироги. В основном что осталось у хозяек от довоенных запасов — это мука. В основном это было, конечно, что-то печеное, нам давали. Ну, где-то иногда яичко нам перепадало. Больше всех колядок доставалось мне. Я была самая маленькая. Я была очень маленького роста, потому что такие маленькие детишки, может быть, даже не ходили колядовать. Я пошла, потому что мы все-таки голодали сильно. Мне наложили колядок целую сумку. И такая она была тяжелая, что сестра мне сказала: «Давай я ее понесу, потому что ты уже не дотащишь».

<Соб.: Вот вы говорите, вам наложили колядок. То есть то, что вам давали, называли колядки?> — Это называется колядки. Вот эти угощения — это колядки называется.

<Соб.: А вы ведь в Москве не колядовали?> — Нет, конечно. Дети не знали даже, что такое Рождество. В Москве я ходила в цивилизованный детский сад, там книжки, куклы, я даже не знала, что такое Рождество. Что такое Рождество, я узнала только в деревне, потому что там в каждой избе обязательно был красный угол с иконами, то есть то, что я в Москве никогда не видела. Иконы я тоже впервые увидела в деревне. Потому что папа у меня был партийный, мама у меня была комсомолка, и тогда все это порицалось, и за это можно было пострадать. А в деревне в этой глухой как они жили до революции, так они продолжали жить, тем же укладом. Конечно, это колядование сопровождалось пением, но я этих песен сейчас уже не помню.

### *Посиделки зимой и зимние игры*

Потом еще интересно было: вот война войной, а в конце недели вечером собирались в какой-нибудь избе так поочередно на посиделки. На посиделки приходили все в основном девушки, которые уже заневестятся. Там ребята. И был дед, у которого был баян. Он играл на баяне частушки. Молодежь пела частушки. И даже однажды был анекдотичный случай, когда девочка хотела кому-то понравиться, она пришла к маме шить платье. И мама никак не успевала ей сшить к Новому году платье. И тогда она настояла, что она в недошитом платье пойдет на эти посиделки. Мама ее убеждала, что рукав на живую нитку только приметан. Как же ты пойдешь? Она сказала: все равно я пойду. И она в этом платье ушла. А когда там на посиделках она стала плясать и кто-то случайно дернул ее за рукав, и рукава

у нее отвалились. Хохот стоял совершенно невообразимый в избе: она осталась с голыми руками. Зима все-таки! И с голыми руками в деревне вообще непривычно ходить. Даже летом они носят кофты с юбками или сарафанами с пышным длинным рукавом.

Так что играть играли. И шары из снега катали, и всяких снежных баб лепили зимой — всё это было.

### **Бабушка Аграфена**

Вести с фронта... может, я просто маленькая была, но мне казалось, они туда не приходили. Письма, наверно, приходили и похоронки, но от меня это все оставалось сокрыто. Мне было четыре с половиной года — что я там понимать могла в этом горе? Еще до того, как папа прислал нам вызов, тетка опять начинала голос свой поднимать, а деревня нас очень жалела. Я неправильно сказала: похоронки были, потому что в конце деревни последний дом принадлежал бабушке Аграфене. И бабушке Аграфене пришли похоронки и на сына, и на мужа. И она осталась одна, и она стала все время звать нас к себе жить: «Любушка, ну что ты тут мучаешься? У нас тут такая большая изба, приходи с детшками, живи у меня, и мне будет лучше!» А мама говорила: «Я не могу опозорить семью. Если я уйду, это позор!» Старались не говорить, что внутри, страдали, но не хотели делать это достоянием всей деревни, чтобы не положить пятно позора на хорошую семью. Дядя Федор был очень хороший человек. И мама всё никак не соглашалась. Но бабушка Аграфена нас подкармливала — то печеной картошечкой, то свеклой.

### **Вкусная свекла**

Кстати, вот о свекле. Они делали из свеклы очень вкусное блюдо. Они ее делали в печке. Свекла у них была необыкновенно сладкая, но, может быть, конечно, это мне так казалось, потому что я забыла, что такое сладости, и даже плакала и говорила маме: «Ну почему я не ела шоколад и говорила, что он грязный? Вот сейчас бы ты мне его дала, я его бы с удовольствием съела!» Единственная сладость была — вот эта вяленая свекла. Вялили ее как-то особым способом в русской печи, и она была очень вкусная. Это лакомство было такое. Бабушка нас часто угощала, тетя Шура тоже делала, видно, у нее какие-то запасы были этой свеклы.

### **Баня в печке**

Потом еще интересный момент — это как мы мылись. У них не было бани. Была только

легкая банька летом. А зимой не было бани. Мы мылись в печке. Это было такое переживание! Печь протапливали до сильного жара, потом там оставались только угля. Протопленную печь закрывали заслонкой, чтобы там жар сохранялся в камнях, потом заслонку открывали и клали на камни сено, солому вернее, и ставили туда ушат с водой горячей. И вот мама туда меня заталкивала, потом залезла сама. Это было так страшно, мне казалось, что я там задохнусь (заслонку закрывали). Там было действительно так жарко от испарений, мне казалось, ну, всё — я тут умру. И мама меня там мыла, и веничком хлестала, и всё. И так по очереди она мыла меня, потом сестру туда, а потом уже мылась сама. И все время тетя Шура подавала нам воду в эту кадку. Мама давала ей уже с мылом, она ее выливали и давала нам кадку уже с чистой водой. Вот так мыли всех. Пока всех детей пятерых не перемоют, потом уже мылись мама и тетя Шура. Такое было раз в неделю. Это действительно баня — вся грязь отмокнет... Вылезать нужно было очень осторожно, чтобы не испачкаться в саже. Потому что однажды мама меня даже перемывала. Пока вылезла, я вся черная, как негритос. Вся в саже. Мама меня обратно затолкала в печку и просто помыла меня водой чистой, смыла с меня эту сажу. Потом детей тепло одевали и укладывали на печку, чтоб не простудились.

*Примечание.* Далее следуют воспоминания о том, как в конце марта 1942 г. был получен вызов от отца. Мать с двумя детьми из Алешово добралась до станции Палкино, остановилась в Доме крестьянина и пыталась уехать поездом в Горький.

### **Люди злые и люди добрые**

<В Доме крестьянина> там мужчины и женщины, все в одной комнате спали. Рядом с нами какой-то мужчина был. И однажды утром мы проснулись — мужчины не обнаружили, он куда-то уже уехал, видимо, куда ему там надо было, но мама не обнаружила моих галош. И осталась я в валенках без галош. А ведь это конец марта, это такое снеготаяние! И маме пришлось все время таскать меня на руках, потому что валенки же сразу промокнули. Это было просто ужас! А еще обнаружили, что у сестры теплый шарф украли. Она осталась без теплого шарфа. Мама все время боялась, что она застудит себе горло и заболит ангиной. В общем, уже мама и плакала даже, но никак уехать мы не можем. И однажды вдруг она встретила Леонида Ивановича, председателя соседнего

колхоза. Он был отцом папиного друга, который был женат на маминой сестре в Москве. В соседней деревне колхоз, и он был председателем этого колхоза. И он уже по возрасту не призывался на фронт. Вот он приехал и что-то привез в райцентр Палкино. И случайно зашел по каким-то нуждам на эту станцию. И мама его встретила. Точно, вы знаете, Божий промысел. Это ж надо было такому случиться. И он ее увидел и сказал: «Боже мой! Броня, ты еще не уехала?!» Мама стала плакать и рассказывать, что мы никак уехать не можем, что уже обокрали, и деньги, и ничего нету у нас. И вот тогда Леонид Иванович дал маме четыре буханки хлеба черного (полновесные хорошие большие буханки настоящего ржаного хлеба) и сказал, что я тебе помогу уехать. Причем мама говорит, что иногда приходят поезда, но их берут на abordаж, а она с двумя детьми, причем Лариса теперь все время на руках, она никак не может попасть в этот самый поезд. И вот когда пришел очередной поезд, который шел в Горький из Костромы, поезд остановился, все кинулись к вагонам. Многие вагоны вообще не открылись, двери не открылись и ступеньки не выбросились. А в некоторых вагонах двери открылись, проводницы сказали, что у них посадки не будет. В вагонах нет мест. И тут Леонид Иванович подошел к одной этой проводнице, схватил ее за юбку и буквально сдернул ее с тамбура вниз на землю и зашел в вагон. Вагон был совершенно пустой. То есть они хотели, чтобы взятку им дали. Не деньгами, конечно, натурой, кто там чем. Кто мог что-то дать, тот уезжал, кто ничего не мог дать, скажем, как мама с двумя детьми, тот не мог уехать. И тогда он ее... Он начал посадку. Он посадил всех, сколько там было мест свободных в вагоне, посадил людей. А ее... Потребовал у нее документы и сказал, что отдаст ее под военный трибунал, потому что она враг народа, если она может поступать так с несчастным голодающим народом, который куда-то (все ведь по делу едут) разъезжается.

#### ***Божий промысел***

В общем, наконец-то мы сели в вагон. И вот тоже Божий промысел. И на наше счастье, с нами, напротив: вот мы на лавке сидели, а напротив на лавке сидела женщина, ленинградка, у которой в Ленинграде погибли две внучки, одна в возрасте моем, другая — в возрасте моей сестры. Так она все вещи практически нам отдала своих внучек. Плакала! Глядела меня все время по голове и все маме совала вещи, говорила: «Возьмите, возьмите, дитишкам вашим всё пригодится! Все равно мне уже

это не пригодится. Пусть каким-то детям. Эти вещи помогут сохранить этих детей. Пусть они и будут у вас!» И еще ехали там два офицера, которые выписались из госпиталя, им дали десятидневный отпуск, и они куда-то тоже ехали. Они до Горького не доехали, они раньше вышли. И они маме отдали свой офицерский паек: две банки тушенки, сколько там сахара и тоже буханку хлеба дали. Так что мы ели хорошо, пока доехали до Горького.

#### ***Игра в войну с зениткой***

После налета авиации начиналась самая игра в войну. Весь двор был усеян осколками. К тому же у нас во дворе стояла огромная зенитка, у нее был огромный ствол, чуть-чуть, градусов, наверное, под тридцать к земле, приподнятый. И вот это было наше развлечение. Бежали мы по этому стволу. Забирались, и нужно было, балансируя, пробежать по этому круглому гладкому стволу и не свалиться.

<Соб.: Почему она стояла во дворе?> — Потому что во время обстрелов появлялся расчет и били в воздух по бомбардировщикам из этого зенитного орудия.

#### ***Рисованные куклы***

Потом очень, конечно, хотелось иметь куклы. Но кукол не было. У нас с другой стороны — не со стороны двора, где подъезд, вход в дом, а с другой стороны — была рабочая столовая. Там работала кассиршей, я не помню, как ее зовут, она почему-то очень меня любила, я так часто туда заходила, потому что запах чего-нибудь вкусного привлекает. Иногда она мне то кусочек хлеба даст, то иногда супчику мне даст. И она из отработанной ленты стала делать мне куклы. Она рисовала карандашом куклы, вырезала их, потом делала им платье, двойные, потом разрез, и через голову этот разрез одевался. Сзади он был нераскрашенный, а спереди раскрашенный. Это могло быть платье шикарное, с крылышками, с рукавом, там с бантами со всякими. Цветными карандашами. Она так любовно делала эти куклы, потом коробка у нее была, она мне из-под чего-то дала, в коробку сложили куклу и все платье. Иногда она мне делала платица из папиросной бумаги. Это летний наряд у куклы. И так она их раскрашивала красиво. И эти куклы у меня всю войну были, я их даже с собой привезла в Москву в сорок шестом году.

#### ***Липовое масло и зеленые шарики***

Еще у нас был такой продукт питания очень интересный. Недалеко от завода был дикий

сад, у него была большая парковая территория. Зимой там девственно белый снег. И там были липы, и вот эти семена, как мы их называли — «с парашютиками», эти штучки, они падали на снег, и весь снег был просто покрыт этими семенами. Вот мы их собирали, очищали. Папа на заводе выточил ступку бронзовую, тяжелую, с тяжелым пестиком. Я помню, что я очищала эти зернышки, а потом этим пестиком мы их растирали. Получалась смолянистая масса, и мы говорили, что это у нас масло. И мы ели, если был кусок хлеба, намазывали эту массу на хлеб, это было даже довольно вкусно. И еще где-то около каких-то заборов, я даже до сих пор не знаю, что это за растение было, но на нем висели такие зеленые шарики, похожие на маленькие незрелые помидорчики какие-то. И они были такого сладковатого вкуса. И мы их тоже ели. Потом, когда мама узнала, что мы едим, она стала ругаться, что этим можно отравиться. Но вроде не отравились. Не знаю, что мы это такое ели. Даже сейчас не знаю. Паслена я не знаю, а вдоль забора мы ходили.

#### *Кашники*

Проблема отоваривания карточек у нас всегда была ужасная, сахаром практически никогда не отоваривали, отоваривали чаще всего сахарином, а потом где-то по ленд-лизу<sup>1</sup> пришли вафли американские. А эти вафли мама продала и купила на них пшено. А тогда пшено — это был самый лучший продукт. Из этого пшена варили очень густую на воде кашу пшеничную, очень густую. Потом у всех хозяек была целая большая стопка блюдец. И там было много подоконников таких вот широких на кухне. Все эти блюдца расставлялись на подоконнике, снизу их чуть-чуть смазывали вот так пальчиком маслом, чтобы каша не приставала, и выливали эти густую пшенку в эти блюдца. И делали в середине углубление и наливали туда постное масло, чтобы оно всасывалось. Они когда застывали, потом легко опрокидывались. Их называли кашники. Вот эти пшеничные кашники, они напоминали лепешку, их продавали на рынке. Их очень хорошо покупали солдаты, которые выписывались из госпиталя. Им предстоял путь домой, десять дней отпуска им давали. И они на рынке покупали эти вот кашники очень хорошо. Ну, на эти деньги покупали то, что необходимо было. Это была одна статья дохода.

<sup>1</sup> Ленд-лиз — государственная программа, по которой США поставляли своим союзникам во Второй мировой войне боевые припасы, технику, продовольствие и стратегическое сырье.

#### *Картофельные очистки*

Вторая статья дохода была у нас — картофельные очистки. Когда я осталась вообще одна, то весь этаж пятый стал «собирать» картофельные очистки, хоть это очень ценилось, эти очистки стали стекать мне в эти два ведра, которые стояли около моей двери. Эти очистки я ходила продавать на Мызу. Было вот такое название района, не знаю, района, местечка в Горьком. Называлась она Мыза. Туда, где Канавино, на окраине, частный сектор, они держали коров. Они варили, промывали, варили, это коровы ели у них, потому что картошку не могли давать — дорого. И вот я носила. Ведро стоило тридцать рублей. Хорошо это помню. И у меня хозяйки очень быстро забирали. Впервые, ребенок, конечно, это впечатляло. Поэтому у меня мгновенно забирали эти ведра. Я шестьдесят рублей зарабатывала за эти ведра. И потом, когда мама вышла, это осталось моим занятием, уже дом-то не давал, но свои очистки я ходила их продавала. И за это мама меня поощряла: то платице мне сошьет, то еще что-нибудь.

#### *Гитлер — в Горьком на позорище*

Ну, вот в сорок четвертом году, когда война уже ушла, прекратились у нас бомбежки в городе, стало потише, все ждали уже, что скоро будет победа. И сестра говорила: «Вот, Лариска! Скоро Гитлера поймают и обязательно его начнут возить... его посадят в телегу, закуют в цепи и будут возить его по всем городам». И я спрашивала, затаив дыхание: «А к нам тоже привезут?» — «Да, конечно! Горький — это такой большой город. Его обязательно привезут и будут возить его по площади Первого мая. И все будут кидать в него камни и плевать в него, вот за все, что он сделал». А я очень волновалась и говорила: «Я же маленькая, мне же ничего не будет видно. Ты меня возьмешь на руки? Ты меня поднимешь, чтобы я тоже Гитлера этого увидела?» — «Конечно, обязательно даже!» И вот почему-то ей все верили и ждали, что Гитлера обязательно привезут к нам в город.

#### *Победа!!!*

И конечно, сорок пятый год — победа, 9 мая, победа. Объявили об этом ночью. У кого-то был включен репродуктор, кто-то пришел поздно со второй смены, с работы, и услышал голос Левитана: победа! Подписана безоговорочная капитуляция. Этот кто-то начал бегать

по всему этажу, барабанить в двери и кричать: «Победа, победа, победа!» Весь народ, все мы проснулись, все выскочили в коридор, и там было такое! Невозможно невообразимое! Все ликовали, все друг друга обнимали, все целовали. Потом все женщины начали вытаскивать заначки, бутылки водки, которые последние годы давали иногда на карточки, женщины берегли, обменять там на то, на муку. Это самая ценная валюта была, водка. Стали вытаскивать эти заначки, эту водку, в коридоре стали выволакивать столы с кухни и составлять их в длину коридора всего, один к другому, длинный один стол делали на весь коридор. И у кого что было, все тащили на этот стол. И прибежали все, кто работал в ночную смену, папа работал в ночную — все прибежали домой. Все уже знали — победа! И вот там и чокались, и смеялись, и плакали. Зиночка рыдала, потому что у нее брат и отец не пришли с фронта; соседи наши Федосеевы — у них там, в Горьком, родилась девочка, и она прожила всего восемь месяцев. Мы ее хоронили, такой маленький гробик везли на кладбище на саночках на детских. Вот они тоже очень плакали, девочку вспоминали свою. Это было ночью. Потом днем, с утра вся Первомайская площадь кишмя кишела народом до самого позднего вечера. Вечером начался салют. Причем около телеграфа стояли бочки с керосином, не то с бензином, и одна из ракет попала в эту бочку, и начался пожар, и чуть не сгорел телеграф. Всю войну устоял от бомбежек, а тут чуть не сгорел.

## АРТАМОНОВА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

### *Бомбежки Воронежа и эвакуация*

...Когда началась война, мне было семь лет... Жили мы тогда в Воронеже. Помню, как бомбили Воронеж. Это запомнилось потому, что там был авиационный завод, на котором работал отец, и все дни <с начала> войны или, может быть, чуть попозже немцы бомбили завод.

Далее было так. Помню, как-то пришел папа и сказал нам, что в течение трех-четырёх часов дали распоряжение, и завод грузится полностью, и семьи... служащие, рабочие, инженерный персонал эвакуируются. А куда — ничего неизвестно. И брать с собой было разрешено совсем минимум, то есть самое необходимое, там, одежду и все. Помню у нас был красивый очень диван, довоенный, сейчас таких не делают. Он был обтянут кожей, большая

спинка, коричневые инкрустации, а по бокам такие тумбочки, где лежали в одной тумбочке лекарства, ящички такие красивые открывались и лежали фотографии, и вот мама оттуда вынимала срочно фотографии, лекарства. И складывала в такую коробочку — как ридикюль, чтоб только сохранить. Взяли мы с собой швейную машинку, зингеровскую, тогда это была такая ценность, все шили сами в основном, девочки были, и машинку взяли с собой. Ее в одеяло завернули, и узлом как бы была ручка сверху, вот это мне помнится. Взяли мы игрушку с собой, поросенка, у него были уши такие большие, розовые... это нам подарили. Эту игрушку нам разрешили взять. ...Чемоданов я не помню, взяли то, что мама посчитала нужным. И мы были одеты (это было уже ближе к осени) в какие-то пальтишки, и подъехала машина — нас всех погрузили наверх и вывезли на вокзал.

### *Телячьи вагоны*

Эшелоны были хозяйственные, их называли раньше «телячьи вагоны», потому что в них перевозили коз, телят, зерно в них возили. А эти были приспособлены, крыша в них была, и по лесенке в них забирались, там были двухэтажные нары, и каждая семья, вот как бы пополам делили, на левой стороне — одна семья, на правой стороне — другая семья. В этих вагонах ехали мы очень долго. Воды, конечно, не было, и поэтому отец, с чайником всегда, выходил на остановках, где можно было в чайник набрать воды. Вот как чай кипятили, это я не припоминаю. И что-то купить для еды.

### *Рискованное решение*

Ехали мы больше месяца, потому что в основном пропускали эшелоны с военной техникой. Накрытые были чехлами такими зенитки, танки, и все это пропускалось в самую первую очередь. И наконец, когда мы подъехали, никто не говорил, куда завод эвакуируется, потому что это было не разрешено, это был секрет. И подъезжали к городу Куйбышеву (ныне Самара). И сказали выгружаться всем, только сотрудникам, кто работает на заводе. А семьи поедут дальше, в Ташкент. И мама тут сказала папе, что я ни за что не уеду и мы вместе будем. Но это был такой риск: было такое время, что где-то остановиться, жить негде было.

### *Холод и голод*

Ну, далее. Отец был на работе, день и ночь на заводе. И жилье нам просто не могли дать, потому что все жили на заводе. Там, очевидно,

были какие-то типа бараки, общежития. Это был пригород Куйбышева<sup>2</sup>. У нас были очень хорошие друзья из Воронежа, они нас приютили, маму и нас с сестрой. Потом отцу дали маленькую комнатку, в которой мы жили, она была очень холодная, помню, угол был просто ледяной и в форточку — труба железная. Топили дровами, дрова было найти невозможно, люди двери снимали, рубили, и туалеты тоже. Стоит, утром выйдем, а только два очка, а самого туалета нет. Крали, чтобы согреться. Помню, как мама варила какую-то косточку на кухне, бульон, и один голодный сосед прямо из кипятка ее съел и обжигался. Далее было время, когда просто не было чего кушать совершенно, и хлеба давали 400 грамм. Помню, хлеба давали 400 грамм на работающего человека, а на семью, по-моему, у нас было 800 граммов хлеба на семью, это считалось еще и хорошо. Маму обязали работать, обязательно надо было работать. И она пошла на этот же завод, где был папа, работать телефонисткой. И на мне, конечно, была ответственность по дому, по уборке, хозяйство. Я еще тогда не училась, потому что раньше школа начиналась с восьми лет. И тут мы учились с запозданием, потому что мы переселились в другой дом. Когда мы переехали, квартира была двухкомнатная: в одной комнате мы, в другой — соседи и общая кухня. Мы в этом своем доме жили, все знали друг друга. И по мере возможности люди, конечно, помогали друг другу. Но в основном каждый боролся за свое существование, мама буквально нас спасла в эти военные годы. И от болезней, от голода: сама выживала — и мы за ней просто должны были выжить.

### **Жареный поросенок — игрушка**

Вот, поросенок был... мы решили с сестрой зажарить его. Видно, есть до того хотелось, тогда только про еду все думали, что да как. Вот решили — и он загорелся, дым пошел... Конечно, нас отругали, но, слава Богу, все обошлось. Не на сковородке, а прямо положили на решетки, и всё, закрыли. И главное, мамы не было дома, а были соседи, нет, не соседи, а просто стояли кровати в комнате, много, кроватей десять, и рабочие, служащие по очереди, приходили с дежурства, кто спал, а кто уходил. Остальные работали.

---

<sup>2</sup> Младшая сестра Ю. А. Артамоновой, Н. А. Панкова, в своих воспоминаниях уточняет: «...такой был район Безымянка». Это был район железнодорожной станции Безымянка, где располагался авиационный завод, эвакуированный из Воронежа (см.: Валерий Ерофеев. Штурмовик с берегов Волги // Портал «Самарская губерния: история и культура». URL: <http://gubernya63.ru/dostoprimechatnosti/madein/il2.html?template=95>).

### **Крест спас**

Был один случай с отцом. Он шел как-то ночью, и кто-то открыл люк, и он в этот люк упал и чудом каким-то расставил руки в стороны, как крест, и вот таким чудом он спасся. А потом когда шел он на другой день, заглянул, а там были и железки, и провода, и какие-то кольца...

### **Огородик небольшой**

Выживали мы... Мама, мама, она нас... Как кормить было семью? Уже люди по-всякому, всё, что можно было... Был огородик у нас небольшой, где сажали картошку во время войны и фасоль. Вот я помню огород, делали не забор, а высевали подсолнух, и он, когда вырастал, как забор был естественный. Картошку не помню, как выкапывали, может, отец, мать копали. А вот фасоль — нас заставляли чистить ее, она (мама. — М. Н.) подсыпала, и очень она нас спасала, помогала пропитаться.

### **Мыльный промысел**

Мама во время войны варила мыло, ее научила одна еврейка варить мыло. Значит, собачий жир, каустическая сода, канифоль — и вот это всё варилось, потом эта масса выливалась в формочку квадратную, где-то сантиметров, может быть, тридцать на сорок. Выливалась, и она густела, застывала. А потом эту массу выкладывали, переворачивали дном наверх на бумагу или салфетку и резали такой тоненькой веревочкой на ровные кусочки. И вокруг плиточки, электроплитки такие раньше были, такая керамическая плитка, а на ней была спираль, она так красным нагревалась. И вокруг это мыло расставляли, чтобы оно подрумянилось, чтобы был у него вид. Это мыло потом мама отвозила. Они группами собирались, отвозили в деревню, меняли на продукты. Зима, клали на санки это мыло, тяжело это было, и везли. Мыло было большой дефицит, потому что всё на фронт уходило, мыло. И этот кусочек мыла люди берегли, не всегда пользовались, экономно, и вот меняли на продукты. Картошка там, крупа, горох, конечно, было всё в очень небольших количествах, и это было тогда богатство.

### **Школа**

Про школу. В школу мы ходили, я ходила, помню, школа была далеко. Помню, как

чернильницы у нас были, был такой шитый мешочек маленький, и как-то он завязывался к ручке. Портфели были самодельные, или где-то покупали, или доставали где-то, или старые. И перчатки были такие старые, их обрезали, потому что в школе зимой не топили. Раньше было чистописание. Были косые линейки, мы сами готовили, вот даже помогала мама или папа. Тетради не продавались, а из бумаги вырезали стандартный тетрадный лист, складывали его пополам и нитками с иглой посередине сшивали, чтобы страницы не разлетались. Косые такие линии, чтобы почерк был наклонный, писали. Чтобы чернила не замерзали, был всегда карандаш, и раньше всегда был химический карандаш. Учебники были, один учебник на пять человек — всё это очень аккуратно хранилось, передавалось, букварь был или по математике, учились — один учебник на несколько человек.

### *Детские игры*

Играли мы в прятки, становились в круг, считывались, постепенно: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать!» Это такая была присказка. Но до этого все рассчитывались и выходили по счету, оставался один, он водил. Говорил: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать!» Все разбегались и прятались: кто за дерево, кто за угол, кто где, кто за бугорок. И он должен был отыскать. Если он отошел, кто-то выскакивал, тот, кто прятался, подбегал к стенке, ладошкой «Раз, два, три» бил. Всё, значит, он опять будет прятаться, до тех пор пока не застучает последнего. Играли в лапту. ...Играли (это уже чуть попозже, постарше) в классики. Чертили прямоугольный квадрат, разбивали его на квадратики. И были такие — «биточка» называлась. Битка, она должна была <быть> у каждого своя. Была самая любимая, ты ее бросал, она где-то падала в какой-то квадратик. И вот я прыгала, прыгала, когда только до биточки доходишь, ты должна была на одной ножке ее перебрасывать в другую клетку. И ты должна была выйти. Если ты попадала на линию, которая была нарисована мелом, ты уже проигрывала. Была еще такая интересная игра в веревочку. Двое веревку крутили, и ты должна была прыгать и там делать всякие упражнения. Если ты заступила, то ты становилась крутить веревку. В основном была девичья игра и очень всем нравилась: тогда скакалок не было. Катались мы на коньках: привязывали к валенкам такие самодельные коньки, и вот сбоку, чтобы веревку сильнее натянуть (завязать было трудно), вставляли такую палочку и как бы ее накручивали, веревка как бы накручивалась, как винтик такой, и засовывалась. И была еще игра

в ножички: играли в ножички и мальчики, и девочки. Тоже очерчивали круг, ножичек брали за кончик и кидали, и вот он попадал в чужую территорию. Играли в жосточку — такая была игра очень интересная, тут просто мастерство нужно было. К меху приделывали или кусочек свинца, или что-то такое тяжелое зашивали. И была она и одна, и вторая, красивая какая-нибудь, и ее подбрасывали, значит, ногой, боковой стороной ступни, и внутренней, и внешней. И чем больше раз ты ее подбрасывал и считал «раз, два, три, пять, десять, двадцать». Играли вдвоем, и если ты проигрывал, должен был отдать эту жосточку или поменять. Мячики, мячей не было тогда, это такая редкость, это было дорого, если у кого-то там был мяч, давал поиграть, то вставляли в круг, подбрасывали и играли. <Соб.: Ну а куклы?> — Куклы — да! Кукол-то не было, куклы шили, шили разные куколки, делали, пришивали, перетягивали шейку ей, делали головку, из пакли приклеивали косички или волосики. Но это было мало, игрушек не было, не было игрушек, поэтому игры вот такие. <Соб.: В основном на улице, игры с движениями?> — Да! Да! Именно на улице, вот, а дома негде ж, места не было, комната маленькая, никто ни к кому не собирался.

### *Победа пришла вот так*

Победа пришла вот так. У нас было радио, черное радио, оно из такой плотной бумаги было сделано, висело оно на стенке. Радио мы всегда очень слушали, потому что все сводки были по радио, всё-всё говорилось, где фашисты были. И конечно, были на слуху, я помню, — Рокоссовский, все им восхищались, он был красивый генерал. И всегда отмечали, на каком фронте кто. И, конечно Сталинград, где всё-всё было самое страшное, всё это запомнилось. Всё-всё, вот всё по радио сообщалось, и оно у нас было круглосуточно. Иногда просто, когда оно отключалось, там было такое лёгкое шипение, но мы его не отключали никогда. И передачи были детские. Но мы, конечно... Сталинград, Курская дуга, подмосковные эти события. Мы, дети, радовались, когда какие-то были победы, как отгоняли немцев. И потом соседи, получали письма с фронта. Радостью, конечно, делились, могли поддержать друг друга, обняться и поцеловать друг друга.

### *Елка в канун 1945 года*

Радость была, я помню, единственная, это елка; приносили живую елочку, ставили, она маленькая была, стояли тогда кровати, железные такие были спиночки, и на них доски такие вот клали. У мамы с папой была одна кровать,

и у нас с сестрой была одна кровать. И вот эта елка: поскольку папа был электриком, он делал маленькие такие лампочки, маленькие, и они освещали. Игрушки мы делали сами. Я помню, делали цепи из бумаги разные, клеили, колечками клеили, клеили, развешивали. Делали клоуна, выдували яичко, оно никогда не выбрасывалось, и там, где была дырочка, надевали колпачок. Из ваты делали яблочки, морковку делали, выделывали так и раскрашивали. И вот такие делали игрушки тогда.

<Соб.: Сами делали игрушки или под руководством?> — Сами, сами, кто-то нам показал, и делали много, и еще раньше вешались конфеты на веточках или что-то еще, подарков не было, всё делали сами, наше детство было такое серьезное, военное.

<Соб.: Елку ставили на Рождество?> — Мама ставила елку на Рождество, и это было только дома. Новый год, Рождество... И до Победы оставались уже считанные месяцы. Фронт продвигался по стороне фашистской, где брали ихние города.

### **Победа**

После Нового года, после елки, которая нас радовала, до победы оставались считанные месяцы. Я помню этот вечер. Это было вечером, и это было не девятое число, а было шестое или седьмое, потому что победа уже свершилась. И уже настолько это было очевидно, что все выскочили, выскочили на улицу, обнимались, кидали какие-то даже свои вещи, которые, может, в руках были неожиданно, и кричали все: «Победа, победа, победа!» И все были счастливы, это счастье всех переполняло, «со слезами на глазах», эти слова повторили в прекрасной песне.

## **АРТАМОНОВ ВЛАДИСЛАВ МОИСЕЕВИЧ**

### **Начало войны**

В день начала войны — это было воскресенье, никто ничего не знал, — отец в этот день был дома, и мы всей семьей с утра поехали в Сочинский дендрарий. После того как посмотрели дендрарий, поехали домой. И вот перед заходом во двор дома (а жили мы на улице Горького) вдруг подходит товарищ (там было общежитие), подходит к отцу и говорит, называет его по имени-отчеству, говорит: «Началась война...» Ну, естественно, приходим мы домой, расстроенные, удивленные этим событием. Отец говорит: «Я должен идти на службу». Ушел. Вскоре, очень быстро, уехал на фронт. ...Ну, конечно, это было для нас тяжелым моментом

расставаться, к тому же мать ждала рождения ребенка, который появился 21 августа 1941 года. Поэтому нас стало четыре человека в семье. Ну что, жизнь пошла, как говорится, в несколько другом направлении. Учился я тогда в 3-м классе, переходил уже в 4-й класс после каникул. И мы, собственно говоря, оставались здесь втроем: я, мать и сестра, которая родилась.

### **Семейные трудности**

Поскольку развитие военных событий шло очень быстрым темпом, соответственно возникали внутренние семейные трудности, которые вынуждали в последующем проводить какие-то мероприятия, чтобы обеспечивать нормальное питание. Для этого обычно иногда учреждения выделяли грузовую машину, туда загружали жителей нашего дома, соседей, знакомых, брали вещи различные и ехали в сельскую местность по обмену на продукты. Оттуда что они могли привозить и привозили? Обычно картошка, крупа, сало, иногда мясо, ну и различные растительные производства. Это являлось серьезным подспорьем для семьи, несмотря на то что обеспечение практически уже происходило в магазинах по карточкам. Мы получали детские карточки, мать иждивенческую, все там было распределено. Хлеба было по 400 грамм, распределены талоны на крупу и мясные изделия.

<Соб.: Вы участвовали в получении продуктов?> — Да. Обязательно, а как же! Стоял в очереди для того, чтобы получить вовремя продукты.

### **Барахолка как средство пропитания**

Затем появились новые места для того, чтобы зарабатывать на приобретение продуктов. Это так называемая барахолка. Ну, я помню, мать собирала какие-нибудь вещи, брала меня с собой, и сестру мы брали на руки, и на этой барахолке продавали или обменивали вещи на продукты, хотя это делали не так часто, так продолжалось до отъезда матери за продуктами в сельскую местность. Это продолжалось примерно до осени сорок второго года.

### **Эвакуация в Армению**

К этому периоду уже было решение об эвакуации. Эвакуация произошла буквально внезапно. Утром позвонили: «Собирайте вещи, по-видимому, завтра, часам к 12, будет погрузка на машины, и вас отправят в сторону Сухуми». Дальше, завтра, к трем, наверное, часам дня подъехали машины, жители дома и семьи военнослужащих, погрузили нас на грузовые

машины, с чемоданами, и поехали. Привезли нас до Сухуми, более или менее благополучно, спокойно; тогда движения поездов, собственно, в Сухуми еще не было, поэтому к станции нас подвезли еще машинами и перегрузили на поезд.

<Соб.: Тогда кто-то маме вашей помогал?> — Ну, кто помогал? Я помогал, помогать-то некому было, все ехали, каждый с вещами. Ну, привезли нас, это уже поездом, до Еревана. В Ереване были уже подготовлены тоже машины, организовано было довольно нормально всё, и повезли нас в сельские места Армении, мы попали в город, так называемый Нор-Баязет, это на турецкой границе. Добирались мы туда, поднялись до озера Севан объехали озеро Севан и затем вниз, в долину. В долине там уже располагался этот город. Привезли нас в Дом культуры, расположились в зале, на сцене. Мы попали на сцену как раз, расположились, пришел представитель власти: «Сейчас вам привезут обед, пообедаете, переночуете здесь, а завтра мы вас распределим по домам». Ну, так и произошло. Где-то часам к пяти привезли нам обед, большие котлы, ну, и начали распределять там по чашкам, по тарелкам. Ну, они сварили свое национальное блюдо с большим количеством перца. Непривычно; они, конечно, старались, всё это вкусно в общем-то первоначально, но при значительном употреблении во рту всё жгло! Утром, где-то часов в десять, привезли еще завтрак, но уже приготовленный без специй, с учетом наших возможностей употребления. Позавтракали, и началось распределение.

#### **В армянском селе**

Мы попали в дом бухгалтера совхоза то ли колхоза. Большой хороший дом, семья большая, нам отвели комнату.

<Соб.: Это армянская семья была?> — Армяне, да, армянская. Большая комната, уже были готовы матрасы, с соломой, сеном, подушки, доски, одеяла, ночлег был готов. Ну, там поселились, стали жить. Прожили мы где-то месяцев шесть. Осень, зима, и весной к нам приехал отец. Он говорит: «Давайте я вас отвезу в Ереван». Там нашел нам квартиру, и машиной опять нас отвезли в Ереван.

<Соб.: В селе-то, наверное, лучше было?> — Ну, как сказать, с каких позиций. Был период, проработал в колхозе летнее и осеннее время помощником комбайнера. Ну, в основном на уборке я стоял на комбайне, там площадка, когда идет уборка — пыль невероятная, всё это летит. Моя задача была посмотреть, как высыпают зерно, предупреждать комбайнера по

наполнению. Едет, сигналил, он останавливался, сходил и дальше продолжал.

<Соб.: Это вам было лет уже двенадцать?> — Да, да, да, почти двенадцать лет.

#### **В ереванской школе**

Учился в школе, и до школы нужно было добираться трамваем. Это выходил я на улицу, до трамвайной остановки надо было идти квартала три, там садился на трамвай, ...и до школы.

<Соб.: Вместе с армянскими детьми?> — Да, да, но преподавание шло на русском языке.

<Соб.: А как относились к вам?> — Хорошо, нормально относились, спокойно, никаких эксцессов не было, дети и учителя. Я помню, была у нас одна учительница, она еще вела преподавание русского языка. Ну, в армянских школах тогда был еще русский язык. Если она кого-то хотела вывести из класса, она говорила: «Иди, уходи здесь!» Мы все понимали, куда идти. Вот, проучился я там, сейчас вспомню... до 6-го класса.

#### **Письмо от отца**

Ну, получаем письмо от отца, поскольку война-то продолжалась. И немцы подошли тогда к перевалу, а отец как раз был на перевале — Кавказский перевал. Он пишет, что меня переводят до перевала, в город Туапсе. Где-то весной приехал за нами, приехали мы до Туапсе, там нам дали квартиру из двух комнат, и мы здесь жили. В Туапсе я продолжал учебу.

#### **Мальчишечьи игры**

Ну играли, да. Были игры — крокет, кто мог, покупал, и играли в этот крокет. И так называемая жостка. Это кусочек шерсти с кожей и с пришитым грузом, и ногой били, кто мог — левой, кто мог — правой: чем больше по счету выбивал, тем больше у него было выигрыша. Человека три-четыре, и играли. Футбольная была команда, вот в Туапсе была футбольная команда. Сами, энтузиасты. Играли в футбол, гоняли в футбол. Ну, еще была одна игра, это денежная. Проводили черту, на кон ставили деньги, назначалась определенная сумма — 20 копеек, 30 копеек. Набирали все, ну и получалась горка; в нее бросали груз, типа пятака крупного, тяжелого. И если попадал рядом, чем ближе попадал — имел право по очереди бить по этой кучке денег. С определенного расстояния (я сейчас не помню, по-моему, метров 12) ставили на пятак, решкой вверх, а орлом вниз, ударяли. Если монета падала орлом вверх, значит, она твоя. Чем больше ты выбил орла-решку, тем больше получишь. Вот такая была игра. Это уже, как сейчас говорят, игра на бизнес.

<Соб.: Ну, и куда потом эти деньги тратились?> — На личные нужды.

<Соб.: А личные нужды какие были?> — Ну, как? Конфеты, печенье, квас — вот и всё, наверное. Там тетради, жвачка какая-нибудь, вот и всё. Тогда было модно жевание серы, которая якобы снимала налет с зубов, — покупали на базаре эту серу. Ну, пожалуй, и всё.

### **Немцев погнали — стало веселее**

Вот так развивалось детство. Война продолжалась, ну, наконец, немцев погнали, это был уже 43-й год, стало веселее, стали ждать окончания войны.

<Соб.: А радио у вас ведь было, вы следили за ходом войны?> — А как же, а как же! ...Мы всё слушали, ну, естественно, каждый день. Последние известия, и Левитан читал, потом начались уже победные салюты, обязательно выступал Левитан, по радио салюты, так что были в курсе дела.

### **День Победы в Краснодаре**

Ну, отец приезжал в Туапсе, жил с нами, а потом у него начались командировки. И где-то прекратились они, это был уже сорок четвертый год. В сорок четвертом году его перевели в Краснодар. Переехали в Краснодар, жили там на улице Кирова, и там я продолжал учебу. И в Краснодаре мы встретили день Победы.

<Соб.: Не помните, как это было?> — Помню, конечно, как это было, передали уже где-то 7-го, был момент, что война заканчивается, по радио. И 9-го объявили... День Победы 9 мая. Весь народ, конечно, выскочил, вышел на улицу, в городе ликование, салют. А салют был всю ночь, буквально всю ночь! Ну, во-первых, организация была вообще типа фейерверка, а затем у кого оружие было, те стреляли. В большом количестве было оружие. Это более-менее тыловая зона была, хотя Краснодар был когда-то оккупирован, так что запасы были.

---

### **Литература**

Гусев 1964 — Русский фольклор Великой Отечественной войны / Отв. ред. В. Е. Гусев. М.; Л., 1964.

Дианова 2010 — Дианова Т. Б. Память о войне. Фольклорная традиция в устных автобиографиях // Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев. М., 2010. С. 13–17.

Мужская культура 2003 — Традиционная мужская культура и фольклор Великой Отече-

ственной войны / Ред.-сост. М. В. Строганов. Тверь, 2003.

Разумова 2001 — Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Фольклор 2005 — Фольклор Великой Отечественной войны: Сб. науч. тр. / Под ред. О. Е. Лебедевой и М. В. Строганова. Тверь, 2005.

---

### **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра дошкольного, общего, дополнительного и коррекционного образования Федерального института развития образования Министерства образования Российской Федерации: Российская Федерация, 125319, Москва, ул. Черныховского, д. 9, стр. 1; тел.: +7 (499) 152-73-41; e-mail: asmolov.a@firo.ru

---

## **“DIZASTER AND VICTORY” IN THE MEMOIRES OF WARTIME CHILDREN**

**MARINA NOVITSKAYA**

(Federal Institute for Education Development of the Ministry of Education of Russian Federation:  
9–1, Chernyakhovskogo str., Moscow, 125319, Russian Federation)

**Summary.** This publication presents the informants' childhood memories about wartime of the Great Patriotic War 1941–1945. These memories represent oral autobiographical account, which is the part of contemporary non-fiction oral narrative prose that in recent years attracted professional attention of researchers from various fields of studies for humanities. Childhood memories of tipping points and dramatic stages in the life of the society could become the source

for the research of historians, folklorists, anthropologists, social psychologists. From the point of view of folklore studies it is significant to reveal correlation between traditional narrative patterns and situations and individual personal experience, lived through by informants.

**Key words:** the Great Patriotic War 1941–1945, autobiographic oral history, personal memory, family memory, national oral history.

#### References

**Gusev V. E.** (ed.) (1964) *Russkiy fol'klor Velikoy Otechestvennoy voyny* [Russian Folklore of the Great Patriotic War]. Moscow; Leningrad. In Russian.

**Dianova T. B.** (2010) *Pamyat' o voyne. Fol'klornaya traditsiya v ustnykh avtobiografiyakh* [Memory of the War. Folklore Tradition in Oral Autobiographies]. *Iz pervykh ust. Velikaya Otechestvennaya vojna glazami ochevidtsev* [Straight from the Own Lips of Eye-Witnesses of the Great Patriotic War]. Moscow. Pp. 13–17. In Russian.

*Traditsionnaya muzhskaya kul'tura i fol'klor Velikoy Otechestvennoy voyny* (2003) [Tradi-

tional Male Culture and Folklore of the Great Patriotic War]. M. V. Stroganov (ed., comp.)). Tver'. In Russian.

**Razumova I. A.** (2001) *Potaennoe znanie sovremennoy russkoy sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya* [Hidden Knowledge of the Contemporary Russian Family. Everyday Life. Folklore. History]. Moscow. In Russian.

*Fol'klor Velikoy Otechestvennoy voyny: Sb. nauch. tr.* (2005) [Folklore of the Great Patriotic War: Collected Papers]. Ed. by Lebedeva O. E., Stroganov M. V. Tver'. In Russian.

---

#### ABOUT THE AUTHOR

E-mail: [asmolov.a@firo.ru](mailto:asmolov.a@firo.ru)

Tel.: +7 (499) 152-73-41

9–1, Chernyakhovskogo str., Moscow, 125319, Russian Federation

PhD (Philology), leading researcher, Center of preschool, basic, extended and remedial education, Federal Institute for Education Development of the Ministry of Education of Russian Federation

---

### ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

выпустил в свет книгу

#### «КУКОЛЬНАЯ ИГРА В СВАДЬБУ»

Издание представляет собой сборник материалов, которые подготовили участники фольклорно-этнографической студии «ТЕРЕМ» на основе экспедиционных записей свадебного обряда, сделанных в Пинежском районе Архангельской области. В основу книги положен сценарий традиционной пинежской игры в кукольную свадьбу. Он воспроизводит ход свадебного обряда, содержит диалоги, описания действий и песни. Сборник также включает в себя статьи, посвященные пинежской крестьянской свадьбе и народному праздничному костюму. В нем содержится инструкция по изготовлению тряпичной куклы. «Кукольная игра в свадьбу» будет интересна педагогам общеобразовательных школ и творческих центров, фольклористам, а также читателям, интересующимся русской традиционной культурой.

Составители: **Е. Таранова, М. Обухова, Е. Барабанова**

Художник: **Е. Боровая**

Дизайн, верстка: **О. Самсонова**

Приобрести книгу можно по адресу:

119034, г. Москва, Турчанинов пер., д. 6. Тел.: +7 (499) 245-15-26